

Евгений Деменок

Ильф, Петров и Бурлюк

...судьбой мне, нам с Марусей, написано было встречать милых хороших достойных людей.

Давид Бурлюк

«Отец российского футуризма», художник, поэт, оратор, актер и шоумен Давид Давидович Бурлюк прожил долгую, яркую и насыщенную жизнь. За восемьдесят пять лет он написал около двадцати тысяч картин, которые были показаны на более чем семидесяти персональных выставках (групповые сложно даже сосчитать), написал сотни статей и стихотворений и сделал себе имя в трех странах – России, Японии и Америке. Бурлюк стоял у истоков футуристического движения в России и Японии, вместе с Василием Кандинским и Францем Марком создавал в Германии объединение «Синий всадник», а в Америке стал лидером художественной группы «Хэмптон Бейз».

Давид Бурлюк был необычайно энергичным, общительным и умел дружить. Всю жизнь его окружали интересные и известные люди – в России это Владимир Маяковский и Велимир Хлебников, Василий Каменский и Алексей Крученых, Бенедикт Лившиц и Александра Экстер, Михаил Ларионов и множество других всемирно известных сейчас художников и поэтов; в Америке – художники Николай Цицковский, братья Рафаэль и Мозес Сойеры, Арчил Горки и Джордж Констант, Борис Григорьев и Сергей Судейкин, и многие, многие другие.

Благодаря тому, что Давид Бурлюк и его жена Мария Никифорова всю жизнь вели дневник, большая часть которого опубликована в издававшемся ими на протяжении тридцати лет журна-

ле «Color and Rhyme», а также тому, что они оставили после себя огромный корпус статей и писем, мы можем не только восстановить подробности жизни самих Бурлюков, их друзей и знакомых, но и почерпнуть массу интересной информации об известных людях, с которыми они встречались на протяжении своей жизни. Информация эта часто субъективна и излагается несколько по-разному в зависимости от того, готовилась она для публикации или приведена в частной переписке, а также от того, в каком возрасте описывал Бурлюк эти встречи. Именно своей субъективностью она и интересна. А еще интереснее сравнивать и сопоставлять воспоминания Бурлюка о ком-либо из друзей или знакомых с воспоминаниями этого человека о встречах с Бурлюком.

Одним из таких случаев являются записи Давида Бурлюка и Ильи Ильфа, сделанные ими после встречи в Америке.

Встречались ли Бурлюк и Ильф до того, в России?

Вот что писал 2 мая 1961 года Давид Бурлюк своему многолетнему другу по переписке, «духовному сыну», известному тамбовскому коллекционеру Николаю Алексеевичу Никифорову: «Нашел письма Ильфа-Петрова: «Бурлюка начал читать и читаю с 1913 года».

Что ж, такое вполне могло быть – Ильфу в 1913-м было шестнадцать лет, а имя Бурлюка было тогда неразрывно связано с именем Владимира Маяковского, которого Ильф любил и ценил. Достаточно привести цитату Льва Славина, в свою очередь цитирующего Евгения Петрова: «Эту первую, юношескую влюбленность в Маяковского Ильф пронес через всю жизнь. Евгений Петров совершенно справедливо пишет в своих воспоминаниях об Ильфе: «Ильф очень любил Маяковского. Его все восхищало в нем. И талант, и рост, и виртуозное владение словом, а больше всего литературная честность».

1913 год примечателен еще и тем, что именно тогда в сборнике «Дохлая луна» было опубликовано самое известное стихотворение Давида Бурлюка «Каждый молод молод молод». Так что – вполне может быть. Вполне может быть и то, что Ильфа Файнзильтберг побывал на одном из концертов «Турне кубофутуристов», состоявшихся в Одессе 16 и 19 января 1914 года.

К сожалению, записей об этом не сохранилось.

Однако точно известно, что Давид Бурлюк и Илья Ильф дважды встречались в Америке – осенью 1935-го и зимой 1936 года. Записи об этих встречах были сделаны и опубликованы каждым из них.

Вот что пишет о второй встрече в своем дневнике за 21 января 1936 года жена Бурлюка Мария Никифоровна:

«В Советы уехали Ильф и Петров. Бурлюк подарил им «2 масла» – «Глостор» – облака там прорисованные черточками и «Радио-Стил» – воспроизведенный в одной из наших книг, 15 акварелей и рисунков (портреты рабочих). Но писатели были так увлечены и заняты паковкой башмаков, «троек», носовых платков... купленных в Новом свете, что пакет с подарком не развернули, отправят его вместе с «тяжелым багажом» до Москвы.

Бурлюк, Ильф и Консул (советский. – **Прим. автора**) обедали в армянском ресторане. Бурлюк там сделал скетч с Ильфа, подошел Башкиров, хвалил рисунок за сходство.

Авторы «12 стульев» и «Золотого тельца» уплыли домой.

Сделали автограф: «Приеду и начну войну с нянькой-старухой» – Ильф.

У него 10-месячная дочь».

А вот что писал о первой встрече – на приеме в советском консульстве – Илья Ильф в письме жене Марии Николаевне Тарасенко: «[Нью-Йорк], 17 октября 35 г.

...Вчера состоялся прием в консульстве. Было сто двадцать человек критиков, издателей, критикесс, деятелей и особенно деятельниц искусства. Нас здесь знают довольно хорошо и хорошо относятся. Кроме того, был Бурлюк, старый и пьяноватый, но симпатичный. Был и Мамульян, режиссер «Королевы Кристины», которую мы, кажется, вместе видели на кинофестивале. Он поведет нас на негритянскую оперу, которую недавно поставил. Все говорят, что это замечательная работа.

Прием сошел для меня хорошо, и я не очень томился. Порядок такой: консул с женой стоит на площадке лестницы и встречает гостей. Мы стоим позади них, нас знакомят. Гости говорят что-то приятное и удаляются в торжественные залы пить водку и пунш. Потом приходят другие, тоже что-то говорят и тоже удаляются пуншевать. Потом понемногу начинают уходить. Мы все время

стоим на площадке, здороваемся и прощаемся. Уходить нам отсюда нельзя, пока все не уйдут, пить и есть тоже нельзя. Продолжается это три часа. Очень интересные люди и страна тоже».

Это письмо, как и другие письма Ильфа и Петрова своим женам, написанные и отправленные во время путешествия, были неоднократно опубликованы в советское время как приложения к «Одноэтажной Америке».

Упоминание о той же самой встрече с Бурлюком есть и в изданном Александрой Ильиничной Ильф «Американском дневнике» Ильфа (1935-1936), в который вошли не опубликованные ранее записи, а также в «Записных книжках» Ильфа (1925-1937). Тут Илья Ильф пишет о Бурлюке в совершенно другой тональности, без иронии и насмешки. Вот фрагмент записи от 16 октября: «Появляются гости. Пришло 120 человек. Дамы, их много. Подрусок с «Золотым теленком». Она не будет читать «12 стульев», потому что ей сказали, что там плохой конец. Предложения двух кинодам. Когда все разошлись, выпил водки с Бурлюком. Я назвал его Давидом Давидовичем, он растрогался».

Понятно, почему эта запись не вошла в «канонические» заметки, опубликованные в Советском Союзе. Эмигрант Бурлюк, пусть даже и друг Маяковского, пусть даже и симпатизирующий советской власти, не должен был быть слишком симпатичным.

Одна из иллюстраций к опубликованному Александрой Ильиничной дневнику – карандашный портрет Ильфа, выполненный Бурлюком во время их второй встречи 21 января 1936 года, на том самом обеде в армянском ресторане. Бурлюк попросил тогда Ильфа подписать портрет – что тот и сделал; подпись слева внизу.

У этого портрета интересная судьба – спустя двадцать лет Давид Давидович подарил его Николаю Алексеичу Никифорову. Вот что писал Бурлюк Никифорову в мае 1957 года:

«Так как вы нам не присылаете списков полученного от нас, то мы не знаем, дошли ли до Вас высланные нами рисунки мои с Ильфа, а также его зарисовки жирафов. Когда я в 35 году видел их в New-York, Ильф уже умирал от чахотки. С Петровым я имел обед в дорогом ресторане. Он был мой гость... Я дал им серию моих акварелей, и Лиля Юрьевна Брик купила некоторые из них у вдовы Ильфа. Книжка «Золотой теленок» имеется у меня

с автографом (в архиве надо найти). О писаниях И. П. об Америке поговорим на отдельном листе».

Вслед за портретом Бурлюк отправил в Тамбов историю создания этого портрета – вот фрагмент из его письма от 12 февраля 1958, Флорида: «Спасибо за ваши пожелания и ласку, и рисунки акв. красками. Вложения: Ильф (портрет история), Заикин – фото, В.Н. Пальмов (фото)».

Зачастую Давид Давидович отправлял Никифорову послания с определенной целью – популяризировать свое имя и творчество в СССР, где его упорно не замечали. Так случилось и с историей создания портрета Ильфа – буквально через месяц, 15 февраля 1958 года, Бурлюк пишет:

«Я знал, но забыл, что Петров – брат Катаева (он не отвечает на мои письма!). *Мне надо знать, в каком году в Одессе он встретил Эдуарда Багрицкого?* (Упомян. в своих рассказах)». И далее: «*Ильфа историю портрета пошлите В. Катаеву: Союз писателей, Москва, ул. Воровского 52*».

Видимо, встречавший Катаева во время своего первого визита в Советский Союз в 1956 году Бурлюк рассчитывал, что с помощью признанного в Союзе писателя история его встречи с Ильфом станет широко известной.

О том, что подаренные им авторам «Двенадцати стульев» и «Золотого тельника» работы оказались у Лили Брик, он узнал, скорее всего, во время того же визита – именно Лиля Брик, Василий Катанян и Семен Кирсанов добились тогда от Союза писателей приглашения для Бурлюка в СССР.

Подаренный Никифорову карандашный портрет Ильфа до сих пор находится в Тамбове – сейчас в коллекции Сергея Денисова. В 2007 году он экспонировался вместе с другими работами Бурлюка на выставке в частном художественном музее, принадлежащем Денисову, а за два года до этого – в Пермском областном краеведческом музее.

Упоминание о работах Бурлюка, подаренных в Америке Ильфу и Петрову, я встретил еще в одном неожиданном источнике – воспоминаниях писателя Владимира Беляева, автора повести «Старая крепость», который приятельствовал с Петровым. Вот что пишет Беляев о своей первой встрече с ним:

«В письме Евгения Петрова ко мне была фраза: «Надеюсь, мы как-нибудь увидимся и сможем более подробно поговорить обо всем». Это дало право в первый же приезд в Москву позвонить Евгению Петрову. Я услышал в трубке хрипловатый голос: «Вы где сейчас находитесь? А-а... Заезжайте». Дальше следовало обстоятельное, с мельчайшими подробностями пояснение, как удобнее всего доехать до Лаврушинского переулка.

Он открывает дверь сам, высокий, живой, с испытующим взглядом темных, южных глаз. Легкой, уверенной походкой спортсмена он проводит меня в кабинет, показывая широким размахом руки дорогу.

Солнечная комната с картинами Бурлюка. Светлый стол, низкие застекленные шкафы вдоль стен, тахта, несколько стульев. Все удобное, скромное. Ничего лишнего, безвкусного, мешающего работать».

К сожалению, записей самого Евгения Петрова о встрече с Бурлюком нет. Вообще, ведение дневниковых записей было хорошей привычкой как Ильфа, так и Бурлюка. Борис Галанов в книге «Илья Ильф и Евгений Петров» писал:

«Записная книжка была постоянным спутником Ильфа. Он часто говорил Петрову:

– Обязательно записывайте, – все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется, хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя».

А вот что писал Ильф в своем дневнике: «Если не записывать каждый день, что видел, даже два раза в день, то все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь».

И. Ильф. Рисунок Д. Бурлюка (цветной карандаш), Нью-Йорк, 1936 г.
Слева автографическая подпись И. Ильфа
Собрание Н.А. Никифорова. Тамбов

Давид Бурлюк даже сочинил стихотворные строчки о важности ведения дневника – они адресованы его жене Марии Никифоровне, Марусе, которая часто подменяла самого Бурлюка в этом ответственном деле:

Очень важно без отсрочки,
Ежедневно, в сырь и в ясь,
Не лениться в книгу строчки
Метить, Дуся, не скупясь.
Коль писать о дне отложишь –
Позабудется деталь,
И забывчивости рожи
Правду вмиг отгонят вдаль.
И дневник тогда утратит
Свежесть, ласковость цветка.
Дни бегут, как мчатся тени,
Чтобы выросли века.

15 апреля 1937 года Маруся запишет: «В Москве умер Ильф. Бурлюк понес в «Рус. Голос» его два автографа и рисунки – наброски, сделанные с него». В газете, в которой Бурлюк проработал около двадцати лет, вышел тогда большой материал об Илье Ильфе.

Так о чем же написал Бурлюк Никифорову «на отдельном листе»?

Вот этот фрагмент:

«Писания Ильфа об Америке устарели. За 20 лет неслыханно наша страна САСШ шагнула вперед. Катаева видали в Москве. Также и «Квадратуру круга» – писали о ней. Америка страна необычайных возможностей, очень богатейшая! 1000 музеев! 350000 молодых художников. Тысячи газет... Необычайное количество всего... Нельзя писать так с кандачка – фельетонно, как И. и П. Но они мертвы, и о них лучше (*de mortuis aut bene aut nihil*)».

Несмотря на любовь к России, к концу 40-х Америка стала для Бурлюков домом. Еще в 20-х Бурлюк называет ее мачехой, в 30-х – помогает Марусе справиться с ностальгией и называет США «второй Родиной», а в ноябре 1957 пишет Никифорову

Владимир Маяковский. Портрет Давида Бурлюка

из Карловых Вар: «Мария Никифоровна ужас как скучает за домом – Америкой...». Бурлюк, тот самый Бурлюк, который писал хвалебные стихи о Ленине и изображал портреты Сталина на своих натюрмортах, начал критиковать советскую власть. «Мы Родину любим, ценим, но кого любишь, тому не льстишь», – писал он Никифорову. Америку же, наоборот, Бурлюк с Марусей теперь защищают. После Ильфа и Петрова «досталось» давнему знакомому Бурлюков, еще одному одесситу, Корнею Чуковскому, который разгромил американскую литературу на одном из съездов писателей. Вот что пишет Бурлюк Никифорову 5 июня 1959 года:

«К.И. Чуковский накинулся на Америку, обвиняя ее «в упадке лит. вкуса»... Из-за деревьев леса не видит. Америка – богатейшая страна. «Догнать и перегнать ее – наша задача». Если Америка будет лет 10 стоять на одном месте и поджидать догоняющих и перегоняющих! <...> Надо изучать страны, с которыми желаем жить в мире. В Америке *полная свобода печати*. Пиши, что и как хочешь, и, если ты можешь добиться до читателя, торжествуй. Вообще, обвинять одну сторону в чем-либо, особенно в текущий момент, когда нужна *дружба народов*, не хорошо, не нужно! Тем более что к САСШ это не применимо. Это страна *добрых людей, культурных* и совершенно не склонных к жестокости или варварскому насилию над *мнением*, вкусом или даже *инквизиционно* («за футуризм надо сечь!») склонных лишать свободы или, даже! жизни. <...> Корней Чуковский, старчески ища успеха для своего выступления, односторонне подошел к Америке, ее литературе, преувеличивая и стараясь мало осведомленной аудитории пустить шерсть (Wool) в глаза, как говорят по-английски».

Маруся добавляет: «И жизнь, она отсеет то, что ценно, и вам не надо плакать о нас, американцах».

Дальше – больше. 11 октября 1963 года:

«Россия отстала, Россия в живописи и литературе вся под пятой старых, провинциальных, отсталых вкусов, отворачиваясь от жизни Запада. Без «Запада» жить нельзя. Изоляция вредна и экономически, и эстетически.

Володя Маяковский боролся с этим и погиб в неравной схватке со вкусами толпы».

Такая эволюция взглядов вызвана не только объективными, но и, безусловно, субъективными причинами – после двадцати непростых лет в Америке Бурлюки наконец обрели и славу, и достаток; в России же, наоборот, его имя замалчивалось, все попытки организовать выставку или опубликовать книгу (воспоминаний, стихов) властью игнорировались, и даже респонденты после одного-двух писем прекращали переписку – это было небезопасно. Оставался один бесстрашный Никифоров, которому Бурлюк выплескивал время от времени свои эмоции.

И все же Бурлюк до конца своих дней оставался «левым». Я приведу чуть позже несколько цитат, но вначале расскажу о забавном, почти детективном эпизоде, произошедшем в Америке с Ильфом и Петровым.

Планируя поездку, авторы еще в Москве решили проехать через весь материк – от океана до океана. «План поражал своей несложностью. Мы приезжаем в Нью-Йорк, покупаем автомобиль и едем, едем, едем – до тех пор, пока не приезжаем в Калифорнию. Потом поворачиваем назад и едем, едем, едем, пока не приезжаем в Нью-Йорк». Для реализации плана не хватало самой малости – денег, машины, а самое главное – водителя, гида и переводчика в одном лице.

Слово авторам:

«Итак, перед нами совершенно неожиданно разверзлась пропасть. И мы уже стояли на краю ее. В самом деле, нам нужен был человек, который:

умеет отлично вести машину,
отлично знает Америку, чтобы показать ее нам как следует,
хорошо говорит по-английски,
хорошо говорит по-русски,
обладает достаточным культурным развитием,
имеет хороший характер, иначе может испортить все путешествие,

и не любит зарабатывать деньги.

Последнему пункту мы придавали особенное значение, потому что денег у нас было не много. Настолько не много, что прямо можно сказать – мало.

Таким образом, фактически нам требовалось идеальное существо, роза без шипов, ангел без крыльев, нам нужен был какой-то сложный гибрид: гидо-шофери-переводчи-ко-бессребреник. Тут бы сам Мичурин опустил руки. Чтобы вывести такой гибрид, понадобилось бы десятки лет».

И вдруг – неожиданная удача. Почти сразу по приезду Ильф и Петров выяснили, что газета «Русский голос», в которой Давид Бурлюк работал семнадцать лет – с 1923 по 1940 год, незадолго до их приезда в Америку «на свою голову начала... печатать подвалами «Двенадцать стульев», – как писал Ильф в своем письме жене 20 октября. «Мы попросили гонорар. Денег у них, в общем, нет, и они предложили в шоферы, переводчиком и гидом своего редактора. Он поедет с нами, а содержать его будет редакция. Наем шофера, он же переводчик, обошелся бы в 300 долларов».

Гибрид нашелся.

Детали сейчас установить трудно, но – вполне может быть – идею публикации популярного романа подкинул редакторам именно Бурлюк, высоко ценивший творчество одесско-московских авторов.

События разворачивались бурно. В первый раз Ильф и Петров встретились с редактором «Русского голоса» Александром Яковлевичем Браиловским у советского консула. Это неудивительно – как писал Бурлюк Н.А. Никифорову 25 июля 1957 года, «...эта газета – единственная русская просоветская газета, которая существует за границей...». Узнав, что в «Русском голосе» печатают их роман без всякого на то их согласия и, разумеется, без авторского гонорара, они были крайне удивлены. Идею потребовать гонорар подсказал им «левый» писатель и журналист Эммануил Поллак, который на третий день по прибытию Ильфа и Петрова в Соединенные Штаты пришел брать у них интервью.

Вот что пишет в своем дневнике Ильф:

10 октября: «Сейчас же пришел Поллак, автор книги «СССР в образах и лицах». Он возбудил в нас желание получить деньги с «Русского голоса» за печатание «Двенадцати стульев». Не успели мы разговориться на эту увлекательную тему, как пришли Хиндус и Джо Фримен. Фримен улыбаясь сказал, что Пильняк научил его таким словам, которых Крупская не знает».

11 октября: «Редактор «Русского голоса» совершенно с нами согласен. Надо просить было разрешения печатать «Двенадцать стульев», надо авторам платить гонорар, но денег нет, и он считает, что получить ничего нельзя в том месте, где ничего нет. Мы, однако, монотонно повторяли, что имеем желание получить гонорар. Еще при нем пришел Поллок и, выждав его ухода, прочел восторженное интервью с нами». И еще одна короткая запись в тот же день: «Утром урок (английского. – **Прим. автора**). Трудновато. Браиловский. Поллок».

19 октября: «Переговоры с «Русским голосом» кончаются тем, что они дают нам Браиловского на 2½ месяца шофером и переводчиком».

31 октября: «Драматическая история между представителями «Р. Г.» и Браиловским. Надоело до безумия. Поездка понемногу разваливается. <...> Хочется договориться с Троном. Снова Браиловский и «Р. Г.».

4 ноября Ильф писал жене: «Поедет с нами, кажется, не Браиловский, а мистер Трон с женой, о которых я Вам уже писал. Это американец, великолепно знающий Америку, а жена его прекрасно правит автомобилем. Мы их почти уговорили ехать».

Уговорили. Соломон Абрамович Трон, выдающийся инженер-электротехник, много лет работавший с СССР, и его жена Флоренс действительно сопровождали Ильфа и Петрова в их путешествии, организовав отличный маршрут и интересные встречи. Авторы вывели их в книге под именами мистера и миссис Адамс. Александр Браиловский остался в Нью-Йорке.

За несколько лет до Ильфа и Петрова, в 1931 году, такое же путешествие по Америке совершил Борис Пильняк. Он так же проехал всю страну и описал свою поездку в романе «О'кей». В Нью-Йорке Пильняка встречал все тот же Браиловский, а в поездке по стране сопровождал писатель и публицист Джозеф Фримен, соучредитель – совместно с Майклом Голдом – журнала «Нью-Мессиз», а также первого в Нью-Йорке клуба имени Джона Рида.

Активными членами «Клуба Джона Рида», в котором собирались писатели и художники левых взглядов, были Давид Бурлюк и его друзья-художники Николай Цицковский, Рафаэль и Мозес

Сойеры. Работы Бурлюка, Цицковского и братьев Сойеров вместе с работами ряда других американских художников были представлены в 1931 году на выставке «Джон Рид Клуба» в Москве, а после – в Харькове и Ленинграде.

Интересна дальнейшая судьба редакторов «Русского голоса» и других участников этой истории, а особенно – смена их политических взглядов и убеждений. Александр Браиловский, тот самый «юноша бледный со взором горящим», которому посвятил свое стихотворение Брюсов, пламенный революционер, приговоренный в 1903 году к смертной казни, редактировавший помимо «Русского голоса» еще и коммунистический журнал «Новый мир», в начале 1930-х отошел от коммунистических взглядов, бросил все и уехал в Калифорнию. Произошло это как раз между визитами Пильняка и Ильфа с Петровым. Причиной тому послужили сталинские «чистки» советского государственного аппарата от евреев. Через несколько лет он все же вернулся в Нью-Йорк и помимо работы в «Русском голосе» стал постоянным сотрудником известнейшей эмигрантской газеты «Новое русское слово», которая придерживалась совершенно других взглядов на Советскую Россию. В 1955 году в Нью-Йорке вышла его поэтическая книга «Дорогой свободной», а следующем году – сборник «Временщики в Кремле» с подзаголовком «Политические басни и пародии».

«Левый» писатель и журналист, автор книги «СССР в образах и лицах» Эммануил Поллак (именно тот, который «возбудил» в Ильфе желание потребовать гонорар и затем опубликовал в газете «Soviet Russia Today» восторженное интервью с писателями – с их биографиями и фотографиями), тот самый Поллак, в одной из книг которого была репродуцирована работа Бурлюка «Дети Сталинграда», и который написал статью «На даче Бурлюка», тоже сменил политическую ориентацию. 8 мая 1957 года Бурлюк писал Никифорову: «Поллак... недавно перебросился (сволочь!) в антисоветский лагерь. Гадина, скажи – сколько дадено?»

Соломон Абрамович Трон, мечтавший поселиться в Советском Союзе и там работать, после присутствия на московских процессах 1937 года вернулся в США совершенно убитым и никог-

да больше не хотел переехать в СССР, оставаясь при этом «советским поклонником».

Несмотря на критику доминирующих в СССР эстетических взглядов и предпочтений, вызванных в первую очередь нежеланием признавать его искусство, сам Давид Бурлюк до конца жизни считал себя «советским человеком». Фраза из его письма Никифорову от 6 июля 1957 года прямо говорит об этом: «Все советские люди (а мы с вами всегда были и стоим в их классе) живут под лозунгом «любовь к человеку, забота о великом человеке». При этом Бурлюк очень дорожил американским паспортом и не согласился обменять его на советский даже ради получения из запасников советских музеев своих ранних картин – во время поездки в СССР в 1956 году.

Таким же «советским человеком» считал себя и новый редактор «Русского голоса», многолетний близкий друг Давида Бурлюка Давид Захарович Крынкин (в «Русском голосе» одновременно работало несколько редакторов, Бурлюк тоже читал себя таковым). Он стал редактором после отъезда в Калифорнию Александра Браиловского, в 1933 году, и руководил газетой до самой своей смерти в 1959 году. Тяжело больной Крынкин вместе с первой группой, организованной «Русским голосом», приехал по приглашению общественных организаций в СССР – и диктовал на больничной койке своей жене статью «Москва миролюбивая», опубликованную в «Русском голосе» 20 декабря 1959 года. Давид Крынкин похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Д. Бурлюк. Портрет Давида Захаровича Крынкина. 1939

Давид Бурлюк подарил Никифорову карандашный портрет Крынкина, выполненный в 1939 году. В правом нижнем углу Бурлюк написал: «Давид Захарович Крынкин – редактор «Русского голоса» с 1933 до своей смерти в СССР». Сергей Денисов, нынешний владелец коллекции Никифорова, выставил его в 2012 году на продажу через аукционный дом «Гелос».

Ну а дальнейшую судьбу картин и рисунков, подаренных Давидом Бурлюком Ильфу и Петрову, нам еще предстоит узнать.

